

УДК 070.4
ББК 76.024.712

ПОДАЧА ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЖУРНАЛАХ: ФРАГМЕНТАРНОСТЬ И КУЛЬТИВИРОВАНИЕ МЕДИАВИРУСОВ

А.С. Акулиничев

Статья посвящена тем особенностям, которые отличают современные русские интеллектуальные журналы от других типов российских изданий. Рассматривается специфика подачи информации с учетом целевой аудитории, а также использование подобными изданиями так называемых «медиавирусов».

Ключевые слова: *тип издания, журнал «Сноб», русский интеллектуальный журнал, «модульный человек», «фрагментарное мышление», медиавирус, мемокомплекс.*

Ряд журналов и интернет-порталов, появившихся на медиарынке России на рубеже 2000–2010-х годов, отличается такими чертами, которые позволяют отнести их к новому типу изданий, прежде не существовавшему в отечественной прессе. Это журналы «Сноб», «Русский пионер», «The Prime Russian Magazine», а также журнал (в 2007–2009 годах) и интернет-проект (с 2012 года) «Русская жизнь»; мы считаем возможным определить их тип как «русский интеллектуальный журнал».

Одной из ключевых черт, объединяющих эти издания, является обращение к определенной целевой аудитории, хотя она, безусловно, неоднородна по своему составу, ее ядро составляют так называемые «модульные люди» (термин Элвина Тоффлера [7, с. 54–69], позже развитый Эрнестом Геллнером [1, с. 115–128]).

Говоря о мышлении, присущем «модульному человеку», исследователи отмечают такие его черты, как диспозитивность (любая норма признается действенной лишь в той ситуации, когда стороны не в состоянии сами определить нормы поведения), играизация и контекстуальность, доходящая до релятивиз-

ма. В целом, теория о «модульном человеке» укладывается в концепцию постмодернизма «с характерными для него нигилизмом, плюрализмом, контекстуальностью, фрагментарностью» [5, с. 9], поэтому нам представляется возможным расширить список свойств, характерных для мышления «модульного человека», и таким значимым понятием, как фрагментарность.

Фрагментарность мышления уже достаточно подробно исследована рядом психологов – прежде всего, занимающихся проблемами детской психологии, поскольку именно на примере детей влияние фрагментарной, или «клиповой» (мы будем использовать термины «фрагментарное мышление» и «клиповое мышление» как синонимичные), культуры на мышление проявляется наиболее ярко. Также «клиповая культура» и присущее ее носителям «фрагментарное мышление» стали объектом внимания культурологов и социологов: она исследуется в работах таких ученых, как К.Г. Фрумкин, Дж. Мартин, Э. Тоффлер и др.

Джеймс Мартин делит человечество на «людей книги», обладающих большим объемом внимания и склонных к восприятию значительного объема информации, и «людей экрана», которым присущ быстрый отклик. «Во время разговора “люди экрана” постоянно хотят сменить тему и двигаться дальше. <...>

Вырастает поколение людей, которые привыкли к тому, что на экране происходит несколько вещей одновременно, и хотят, чтобы окружающая среда немедленно реагировала на их запросы» [3, с. 3]. «Модульный человек», которому присуще «фрагментарное мышление», также отличается быстрым откликом и повышенной способностью воспринимать информацию дискретно.

К.Г. Фрумкин отмечает, что особенности «клипового мышления» – это «высокая скорость обработки информации», «предпочтение нетекстовой, образной информации», а также «неспособность к восприятию длительной линейной последовательности – однородной и одностильной информации, в том числе книжного текста» [8, с. 185]. Высокую скорость обработки разноприродных данных при обязательном их линейном упорядочивании проще назвать *дискретным восприятием текста* (в широком понимании термина «текст»). Поскольку мы отнесли «фрагментарность мышления» к чертам «модульного человека», мы можем отнести к таковым и дискретность восприятия текста как частное проявление «клипового» сознания.

Журнал «Сноб», чью аудиторию составляют представители «креативного класса», обладающие свойствами «модульного человека», нередко использует такую особенность читательского сознания, как дискретность восприятия. Так, в журнале появляется ряд постоянных рубрик, содержащих принципиально *дискретную информацию*.

Дискретная информация – термин из информатики, означающий дробление непрерывной информации на атомы, или биты, которые по окончании процесса передачи собираются в единое целое. Можно позаимствовать этот термин применительно к теории журналистики и несколько скорректировать его. Так, под дискретной информацией в журналистике мы будем понимать небольшие по объему тексты, представленные в рамках одной рубрики, между которыми не возникает причинно-следственной или иных связей (либо эти связи минимальны), но общность обнаруживается за счет восстановления контекста как результат читательской интерпретации и концептуализации. Таким образом, воспринимающий дискретную информацию (чи-

татель) искусственно вводится в герменевтический круг, двигаясь от части к целому и, восстановив целое, переосмысливая его составляющие. Как отмечал Вильгельм Дильтей, социально-культурные условия создания произведения, или контекст, являются частью герменевтического круга, то есть влияют на процесс интерпретации: «Понимание текста как “проявления жизни” творческого индивида возможно при условии понимания духовного мира соответствующей эпохи, что, в свою очередь, предполагает понимание оставленных этой эпохой “жизнепроявлений”» [2]. Дискретная информация стремится к тому, чтобы после соединения элементов и восстановления контекста у воспринимающего начинала складываться картина мира или, в более узком смысле, представление о том или ином срезе современной действительности.

Такова рубрика «Глоссарий месяца», появившаяся в «Снобе» летом 2012 года. Она представляет собой перечень слов и выражений, часто употреблявшихся в СМИ, Интернете и интеллектуальных дискуссиях в течение месяца, предшествовавшего выходу журнала, и краткие пояснения, что означает конкретное слово или выражение, как оно появилось на свет. Например: «Бесовские дрыгания – так определил стиль выступления Pussy Riot в храме Христа Спасителя свидетель обвинения на процессе в Хамовническом суде. Цитаты из выступлений “пострадавших” стали интернет-мемами, покори́в общество чистосердечной непосредственностью» (Сноб. 2012. № 9, сент. С. 20). Или: «Размандачивание – неологизм, возникший с легкой руки Бориса Немцова для обозначения лишения Геннадия Гудкова депутатского мандата. Изящный пример употребления нового слова можно найти на сайте “Эха Москвы”: “Размандачивание есть яркий симптом коллапсирования” (Юрий Крупнов)» (Сноб. 2012. № 10, окт. С. 26).

Иронические наблюдения, призванные зафиксировать характерные черты современной реальности, типизировать и даже мифологизировать те или иные явления или личностей, восходят – как литературный пример – еще к «Лексикону прописных истин» Гюстава Флобера. (Можно отметить в скобках тот факт, что обыгрывание и переосмысление литературы XIX и XXI веков характерно для журнала

«Сноб»: к примеру, литературный выпуск № 13-01 (декабрь 2012 – январь 2013) целиком состоял из рассказов и эссе современных авторов, интерпретировавших произведения Чарльза Диккенса, а роль слогана журнала выполняет афоризм Уильяма Теккерея о снобизме). Однако, в отличие от флюберовских «истин», тексты «Глоссария» в журнале «Сноб» не всегда являют собой преломленные в сознании автора и оттененные иронией наблюдения – иногда они носят сугубо номинативный характер и сопровождаются преимущественно фактологическим пояснением: «"Ну, погоди!" – мультфильм, который, согласно новому закону о "возрасте предупреждения", нельзя смотреть детям до шестнадцати лет. Классике советской мультипликации широко использовали для демонстрации абсурдности законодательства РФ» (Сноб. 2012. № 10, окт. С. 26).

Скорее, мы имеем дело не с флюберовской традицией, а с явлением, зародившимся в последние годы: подобные «глоссарии» часто становятся оригинальной формой подачи материала в разных аналитических, развлекательных и интеллектуальных изданиях. К примеру, журнал «Большой город» ежегодно выпускает тематический номер, посвященный (большая часть) итогам года, которые подаются в форме глоссария: «Словарь 2008», «Словарь 2009» и т. д. Вместо большого аналитического текста используется игровая форма, причем в процессе игры информация дробится на мелкие составляющие и принимает дискретный характер. Авторы тем самым отказываются от цельного анализа, предоставляя читателю своего рода пазл, головоломку, части которой тот может собрать в цельную картинку самостоятельно.

Важно при этом отметить, что дискретность восприятия отнюдь не отрицает способности читателя усвоить большой объем информации, – напротив, фрагментарно мыслящий читатель в состоянии обработать внушительный объем данных, если тот будет подан в игровой форме и разрозненными, мелкими частями. Тот же словарь по итогам года в журнале «Большой город» – это большой текст, больше любого аналитического материала, какой мог бы увидеть свет в общественно-политическом еженедельнике, но он воспринимается без трудностей за счет раз-

дробленности, за счет разделения на фрагменты объемом до 1 500–2 000 знаков. Объединяющим началом для этих фрагментов служит сама выбранная форма, которая и определяет ракурс рассмотрения фактов: в иронической, флюберовской традиции.

Квинтэссенцией подобного «фрагментированного стиля» можно назвать колонку Николая Ускова (руководителя проекта «Сноб»), опубликованную в октябре 2012 года в подведомственном ему издании. Она представляет собой так озаглавленную подборку записей, сделанных Усковым в его твиттере в течение предыдущего года: «Записки человека эпохи разнузданной борьбы со здравым смыслом». Традиционный для журнала жанр редакционной колонки претерпевает деконструкцию, результатом которой становится появление псевдоколонки из фрагментов, априори не имеющих между собой никакой связи, кроме личности автора. Такая псевдоколонка напоминает сборник цитат, выдернутых из контекста, однако текста, создающего контекст, за ними нет, поскольку записи в твиттере изначально являются такими «контекстуальными» записями, которые трудно поддаются пониманию уже через небольшое время после публикации, поскольку моментально теряются в потоке других кратких записей и забываются. Сознание читателя вне данного контекста, по всей видимости, пытается воспроизвести этот контекст исходя из своих представлений, то есть апостериорно, о том, что может быть опубликовано в журнале «Сноб», а что – нет.

Аналогичные формы нередко используются в интернет-изданиях, прежде всего, при составлении всевозможных списков: «Топ-100 лучших фильмов всех времен и народов», «50 лучших музыкальных альбомов года» и т. п. Интеллектуальные журналы переносят эту форму на общественно-политические реалии. Таким образом, мы наблюдаем, что «Большой город» и «Сноб» учитывают присущие их целевой аудитории игризации мышления и дискретность восприятия информации и ищут подходы к такому типу читательской рациональности.

Подобные словари в целом и снобовский «Глоссарий месяца» в частности имеют и определенное филологическое и социокультурное значение. К примеру, философ, филолог и культуролог Михаил Эпштейн включил

некоторые слова, попавшие в «Глоссарий месяца», в свой проект «Слово года», призванный зафиксировать все наиболее значительные с социокультурной точки зрения лексические единицы, фразы и неологизмы, имевшие хождение в течение календарного года. Более того, возрастающую на рубеже 2000–2010-х годов популярность «словарных» рубрик и глоссариев, заменяющих итоговые аналитические тексты, можно отнести к одному из проявлений процесса, который Михаил Эпштейн называет «воязыковлением», то есть «преодолением иждивенческого отношения к языку, когда мы просто пользуемся им, но внутренне с ним не общаемся и не вкладываем в него ничего от себя». Этот процесс исследователь связывает с растущей политизацией российского общества: «В общественном и политическом вакууме 2000-х вся скрытая энергия российского бытия, вся тоска по смыслу и воля к смыслообразованию стали опять переходить в язык, в языкотворчество, потому что больше им просто некуда было деться» [9, с. 21].

Таким образом, исходя из концепции Михаила Эпштейна, можно отметить, что на развитие жанровой формы «глоссария» в отечественных интеллектуальных и интеллектуальных досуговых изданиях [4, с. 103] влияет и существующий в обществе спрос на словотворчество, отображение актуальных явлений социальной, политической и культурной сферы в языке.

Сделаем осторожное предположение, что такое стремление отразить то или иное явление реальной жизни в лингвистической форме является следствием влияния, оказанного на массовую психологию блогами и социальными сетями, бурно развивавшимися на рубеже 2000–2010-х годов. «Живой журнал», Facebook, «ВКонтакте», твиттер, войдя в жизнь многих россиян – и прежде всего в жизнь интеллектуалов, лидеров общественного мнения, трендсеттеров, актуализировали письменную речь, сделали ценным умение адекватно выражать языковыми средствами то, что происходит в общественной жизни. Оживление языковой среды и обостренно меметический характер распространения информации в рамках интернет-коммуникации приводят к тому, что многие неологизмы, окказионализмы, актуальные

фразы становятся не разовыми словоформами, а активно употребляющейся в повседневной жизни лексикой. Именно такие мемы, несущие на себе отпечаток *zeitgeist*'а, привлекают внимание авторов современных русских интеллектуальных изданий. Роль журналиста в данном случае – точно зафиксировать те слова и выражения, которые отражают «дух времени» полнее всего, слова и выражения с наибольшим семантическим потенциалом, иначе говоря, *концептуализированные мемы* или *мемокомплексы*.

Для описания таких мемокомплексов американский исследователь Дуглас Рашкофф использовал термин «медиавирус». По его словам, «вирус всегда заставляет систему, на которую нападает, выглядеть запутанной и непостижимой, какой она и является на самом деле» [6, с. 37–38]. То есть медиавирусы, в отличие от приемов пиара, не сводят восприятие действительности к простым шаблонам и схемам, а, напротив, усложняют его.

Один медиавирус может состоять из множества отдельных мемов, образующих мемокомплекс. Таков медиавирус «выступление Pussy Riot», занимавший значительное место в публикациях журнала «Сноб» в 2012 году. Панк-группа, устроившая провокацию в храме Христа Спасителя под лозунгом «Богородица, Путина прогони!», стала своего рода «нулевым километром» для многих дискуссий в журнале и на портале «Сноб», а также для целого ряда публикаций: от статьи «Не стреляйте в артилиста» (Сноб. 2012. № 10, окт. С. 116–121) до обширного интервью с одной из участниц группы Екатериной Самуцевич (Сноб. 2012. № 11, нояб. С. 49–58).

Мемокомплекс «выступление Pussy Riot» как медийное событие есть пример усложнения картины мира: многие оценки деятельности панк-группы, особенно представленные на страницах русских интеллектуальных журналов, отличаются двойственностью, неопределенностью. Провокация в храме Христа Спасителя обнажила такие дискурсы в российском обществе, которые прежде либо отсутствовали вовсе, либо пребывали на вторых ролях (религиозный дискурс и, в частности, вопрос секуляризации; ценностно-идеологический дискурс и, в частности, вопрос о том, что объединяет современных рос-

сиян из разных социальных классов и страт; дискурс правосудия и релевантности наказания преступлению).

Мемокомплекс, будучи набором взаимоподкрепляющих идей, вирусным по природе, не только включает в себя цепь событий и связанных с ними комментариев, но и содержит провокативное начало. Особенность мемокомплекса в том, что он порождает все новые и новые мемы или медиасобытия, он агрессивен и стремится к развитию, подчас взрывному. Усложняясь по мере развития, мемокомплекс оживляет и включает в себя все новые и новые дискурсы. Чем сложнее этот комплекс мемов, тем больше дискурсов с ним связано. При этом мемокомплекс развивается как бы в двух параллельных реальностях: с одной стороны, в материальном мире (всевозможные акции и демонстрации, порожденные изначальным событием), с другой – в медиасреде (публикации и размышления по поводу изначального события и его влияния на общество).

Пример мемокомплекса «выступление Pussy Riot» в этом смысле показателен: исследуемый нами журнал «Сноб», подключая разных авторов с разными взглядами, из номера в номер в течение всего 2012 года искал новые способы его осмысления, буквально эксплуатируя эту тему. Информационно-аналитические издания возвращались к выступлению Pussy Riot только тогда, когда появлялись какие-то новости, связанные с ним, а после того, как приговор участницам панк-группы был озвучен, а наказание Екатерине Самуцевич заменено на условное, большинство аналитических еженедельников прекратили публиковать что-либо на эту тему. Таким образом, медиавирус в информационно-аналитических изданиях быстро теряет актуальность, оказывается погребенным под другими, более свежими темами.

Иначе обстоит дело с русскими интеллектуальными журналами: публикации о Pussy Riot продолжались и после того, как тема, казалось бы, исчерпала себя. Авторы этих изданий, и в частности журнала «Сноб», продолжали заострять внимание на все новых и новых аспектах проблемы, подключая самые разные дискурсы – и тем самым поддерживая интерес к данному мемокомплексу. Можно предположить, что одной из черт современных интеллектуальных изданий, коренным образом от-

личающей их от информационно-аналитических или «мужских глянцевого», является способность обнаружить такой медиавирус, который касается ключевых «болевыми точками» в обществе и обнажает глубинные проблемы, затрагивающие самые разные дискурсы, но не просто обнаружить его (такое под силу и другим изданиям), а поддерживать его вирусную природу, распространяя и расширяя его. Событие, ставшее основой медиавируса, в русских интеллектуальных изданиях дробится на отдельные мемы, каждому из которых соответствует тот или иной дискурс, и в результате такого дробления мифологизируется. Важно отметить, что дробление это не упрощает явление, а напротив, показывает его как более сложное, разноплановое, касающееся максимально широкого круга лиц и социальных страт.

Также важно отметить, что достаточным для длительной эксплуатации в СМИ является только тот медиавирус, который продолжает генерировать события в реальности на протяжении значимого отрезка времени. В случае с мемокомплексом «выступление Pussy Riot» этот отрезок составил по меньшей мере 8 месяцев (от самой акции в храме Христа Спасителя в конце февраля до освобождения Екатерины Самуцевич и отправки остальных участниц в колонию в октябре). В течение этого периода происходило множество событий, связанных с исходным: это и акции в поддержку веры и в поддержку Pussy Riot, и распространяющаяся мода на балаклавы, и заявления многочисленных публичных персон по всему миру о поддержке или осуждении действий панк-группы. Каждое из подобных событий становилось информационным поводом для публикаций в информационных и информационно-аналитических СМИ, которые тем самым готовили почву для статей в интеллектуальных изданиях. Интеллектуальным изданиям не нужны информационные поводы: само существование медиавируса, его продолжающаяся жизнь, оказывается достаточным основанием для продолжения публикаций по той же теме. При этом предметом публикаций в интеллектуальных изданиях становятся не новые факты, связанные с исходным событием, а новые связи между теми событиями, которые были им порождены, и новые дискурсы, затронутые медиавирусом.

Упрощая эту модель, можно описать ее так: исходное событие порождает события второго порядка, и каждое следующее событие касается все большего числа людей, оно освещается информационно-аналитическими средствами массовой информации, тем самым возвращая читателей к исходному событию и продлевая жизнь медиавирусу. Интеллектуальные издания, печатные и онлайн-овые, осмысливают связи между событиями второго порядка, охватывая все новые дискурсы: политический, идеологический, философский, социологический и т. д. В этих изданиях медиавирус развивается не за счет событий второго порядка, а за счет обнаруженных авторами новых смыслов, за счет осмысления авторами причин, почему исходное медиасобытие вообще стало медиавирусом, почему оно обросло таким количеством мемов. Если объектом интереса информационных изданий является событие, а аналитических СМИ – цепочка событий, то современные русские интеллектуальные журналы заостряют свое внимание на мемокомплексах и концептах.

Таким образом, интеллектуальные издания анализируют не столько реальность, сколько то, как эта реальность отображается в медиа, как она видоизменяется под их воздействием. Важная особенность современных интеллектуальных изданий – отстранение от конкретной реальности, осуществляемое через посредничество других медиа, то есть интеллектуальные издания рассказывают не о событиях, а об их отображении в медиасреде. Современные русские интеллектуальные издания не «событиецентричны», а медиацентричны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники : пер. с англ. / Э. Геллнер. – М. : Моск. школа полит. иссл., 2004. – 240 с.
2. Герменевтический круг // Философия : энциклопед. словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/254/. – Загл. с экрана.
3. Джеймс Мартин: тенденции, которые мы наблюдаем, могут угрожать человеческому разуму // Коммерсант – «Review (Московский экономический форум)», прил. – 2008. – № 17 (3834), 05.02. – С. 3.
4. Патрикеева, Е. К. Интеллектуальная досуговая журналистика (на примере журнала «Афиша») / Е. К. Патрикеева // Средства массовой информации в современном мире. Молодые исследователи : материалы X Междунар. конф. студентов и асп. (3–5 марта 2011 г.) / под ред. Б. Я. Мисонжникова ; сост. О. А. Никитина. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2011. – С. 103–105.
5. Погодин, И. А. Постмодернистская ревизия традиционных психологических ценностей / И. А. Погодин // Гештальт гештальтов. Евро-Азиатский вестник гештальттерапии. – Минск : Белорус. ин-т гештальта. – 2008. – № 1. – С. 9–26.
6. Рашкофф, Д. Медиавирус / Д. Рашкофф ; пер. с англ. Д. Борисов. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2003. – 368 с.
7. Тоффлер, Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2008. – 560 с.
8. Фрумкин, К. Г. Откуда исходит угроза книге / К. Г. Фрумкин // Знамя. – 2010. – № 9. – С. 184–194.
9. Язык политизируется там, где отсутствует политика // Огонек. – 2012. – № 51, 24 дек. – С. 20–21.

**THE PRESENTATION OF INFORMATION
IN CONTEMPORARY RUSSIAN INTELLECTUAL MAGAZINES:
FRAGMENTARINESS AND CULTIVATION OF MEDIAVIRUSES**

A.S. Akulinichev

This clause is dedicated to the specific features which distinguish some contemporary Russian magazines called “Russian intellectual magazines” from other ones. The article observes these magazines’ presentation of information considering the target audience and describes their use of the mediaviruses.

Key words: *edition type, Snob magazine, Russian intellectual magazine, “modular man”, “fragmented thinking”, mediavirus, memplex.*